

<Рец. на:> Н. Берберова. Последние и первые

«20-го сентября 1928 года, утром, между девятью и десятью часами, случились три события, положившие начало этой повести: Алексей Иванович Шайбин, один из многочисленных героев ее, появился у Горбатовых; Вася, Горбатовский сын, детище Степана Васильевича и Веры Кирилловны и сводный брат Ильи Степановича, получил письмо из Парижа от приятеля своего Адольфа Келлермана с важными известиями об отце; и наконец на ферму Горбатовых, в широкую долину департамента Воклюз, пришел нищий странник с поводыркой».

Странник этот собрался было спеть песню, которая «ответ нам дает, ответ русским людям самый понятный, самый скромный», но ему помешали: приехал из Африки Шайбин, и вот уже начинается мощное течение повести: поездка Ильи и Шайбина, а затем Васи в Париж, их душевые приключения там. Так в начале книги читатель не узнает, что это за песня, которую собрался петь «грозно худой» старец; она нам только обещана как раскрытие некой тайны. Между тем в этой задержанной и лишь в конце книги спетой песне заключена вся идея повести; вся фабула — только ряд искусственных вариаций на эту главную тему, обещанную вначале, постепенно выясняющуюся по мере музыкального развития фабулу и звучащую, наконец, с простой и убедительной силой в устах умирающего странника:

На чужбинушке не тоскуй, казак,
Не скучай, казак, по Рассеюшке, —
Не тебе ль дана воля вольная,
Путь-дороженька поперек земли?
Путь-дороженьку исходи кругом,
Во страну приди во французскую.
Становися, дом, на крутой горе,
Обводись межой, поле малое!
На чужбинушке не горюй, казак,
По могиле отца-матери,

Укрепись, казак, во судьбе своей,
Во земле своей, заграничной.

Оセсть на чужой земле, казалось бы, значит отречься навсегда от своей, порвать последнюю с Россией связь, поддерживающую беспокойством кочевий. Парадоксальным образом, однако, именно в работе на поле малом, заграничном, автор — или герой — видит спасение и укрепление русской души. Ибо в самом понятии «земля» есть нечто сугубо русское, и, живя на земле, оправдаясь, отстраняя городскую культуру, тем самым сохраняешь извечный отечественный уклад. Таков поставленный тезис.

Читатель, требующий от автора своеобразной сатисфакции, того, что в обиходе называется сводить концы с концами, а в искусстве — закономерность, законченность, гармония, получает от «Последних и первых» удовлетворение особенно полное. Книга прекрасно сработана. Это первый роман, в котором образ эмигрантского мира дан в эпическом и как бы ретроспективном преломлении, и герой его чуть выше человеческого роста. В каком-то смысле можно представить себе, что русский писатель будущего века, занимаясь творческим воссозданием далекого прошлого, одолеваемого лишь посредством пристального и вдохновенного воображения, напишет о нас книгу, очень схожую по духу с берберовской. Условность и стилизация этой книги не суть недостатки, а суть неизбежные свойства эпического рода. То, что даровитый писатель двадцать первого века сотворит поневоле, в силу отвлеченности его от нас, Берберова совершает сознательно. Из всего эмигрантского, житейского — рыхлого, корявого, какофонического — она выкроила, возвела в эпический сан, округлила и замкнула по-своему одно лишь из явлений нашего быта: тоску по земле, тоску по оседлости. В романе, просто бытовом, иные из приемов Берберовой были бы просто нестерпимы; но мучительная напряженность диалогов (местами весьма напоминающих карамазовские крики) и некоторая странность совпадений и встреч искупаются общим строем этой своеобразной, ладной и блестящей книги. Слог на редкость крепок и чист, образы великолепны своею веской и точной силой. Это не дамское рукоделие, не безответственное братание с безднами и не заказной отклик на злобу дня — это литература высшего качества, произведение подлинного писателя.

